

КАЗАХСКИЙ

бюро

альманах

Ка

УДК 821.161.1–1/3
ББК 84(2Рос=Рус)6
К15

*Составитель
и ответственный
редактор*

Ахат Мушинский

Редколлегия:

Разиль Валеев
Борис Вайнер
Ахат Мушинский
Альбина Нурисламова
Эдуард Трескин
Евгений Попов
Ленар Шаех

Иллюстрации:

М. Akhat

На 1-й стр. обложки:
Н. Фешин. «Портрет мадемуазель
Подбельской». 1912. Х., м. 80,7х77,5

К15 Казанский альманах : Бирюза / [сост. и ответ. ред. А. Мушинский]. –
Казань : Татар. кн. изд-во, 2017. – 224 с. : с фотогр. и ил.
ISBN 978-5-298-03365-7

ISBN 978-5-298-03365-7

© Татарское книжное издательство, 2017
© Мушинский А. Х., сост., 2017

Тукай и Амирхан: в двадцати метрах друг от друга

*Кайтмады үч, бетте көч, сынды кылыч – шул булды эш:
Керләнеп беттем үзем, дөньяны паклы алмадым.*

Г. Тукай

*Хотел я мстить, но ослабел, сломался мой клинок,
Я весь в грязи, но этот мир очистить я не мог.*

Перевод С. Липкина

НЕ ТАК давно по всей Казани разнеслась весть: «Вандалы разгромили могилы на Ново-Татарском кладбище!» Конечно, эта печальная новость взволновала многих – там нашли последнее пристанище и мои предки... Скорее туда! Но вроде пронесло, надмогильные камни целы, ограда в порядке.

Посещение кладбищ – это ежегодный ритуал. Да и само место вечного упокоения по-татарски называется арабским словом «зиярәт», что переводится как «визит», «посещение». Могилы родных разбросаны по всей Казани и по окраинам. В один из весенних воскресных дней приходится делать «марш-бросок» на машине из одного конца города в другой.

Мёртвые, конечно, подождут, но не ждут дела... Быстро прибраться, пощипать траву, наспех прочитать молитву и дальше.

В этот раз торопиться было некуда. У меня с отцом одновременно появилась одинаковая мысль – пройтись по «Аллее знаменитостей». Мама осталась в машине. Ноги уже ни к чёрту!

На самом деле, на Ново-Татарском кладбище нет места с таким названием, но есть аллея, где похоронены известные люди, в том числе Тукай и Амирхан. Раньше, когда ходили пешком или пользовались общественным транспортом, успевали больше – обязательно, после бабушек и дедушек, заходили проведать наших великих писателей, учёных и артистов.

Габдулла Тукай и Фатих Амирхан

В круговерти повседневной суматохи пролетело лет двадцать. А здесь так много изменений! Вот, облагородили могилу Тукая, обновили его памятник. Но всё же что-то не так! Стало тесно! Могила уважаемого режиссёра Марселя Салимжанова упёрлась прямо в изголовь татарского поэта.

Тукай оказался в плену. Словно в известном ужастике, его окружают всё новые и новые мертвецы. Всё теснее и теснее смыкается кольцо вокруг Тукая. Тут не только татарские, но и русские фамилии. Полумесяц соседствует с крестом, со Звездой Давида. Полная толерантность и дружба народов!

И что всех так тянет к Тукаю, словно к усыпальнице святого? Он не был суфийским шейхом – мало того, он не был праведником. Хочется взять мел и очертить круг вокруг него...

Тукай... «Татарский Пушкин»... В двадцати метрах от него лежит «Татарский Толстой» – классик литературы Фатих Амирхан. Его могила также на виду, но не ухожена, заросла травой. Видимо, все спешат к Тукаю, обещая

Амирхану зайти на обратном пути, но забывают данное слово...

Одногодки. Оба родились в 1886 году, один – в январе, второй – в апреле. Примерно в одно и то же время вышли на литературную арену, получили известность. Были друзьями. Но Фатих Амирхан навсегда остался в тени своего младшего друга. Празднуют юбилей Тукая и... забывают про Амирхана. Идут на могилу Тукая и вновь проходят мимо него...

Тяжело больной Тукай, задыхаясь от кашля, зашёл к другу:

– Вот, убежал от смерти. Спасаясь у тебя! Нет, не от смерти, а от смерти в одиночестве...

Теперь они лежат рядом. Судьба свела их вместе – как в жизни, так и после. Костлявая рука смерти загребла их в могилу молодыми – Тукаю исполнилось 26, Амирхану – 40. Они ушли на взлёте своих творческих сил и возможностей.

Так распорядился Всевышний. И кто знает, – может, это было и к лучшему? Умерли от болезней, но не попали в руки сталинских палачей и садистов.

Ведь только в одном 1937 году было арестовано три состава правления Союза писателей ТАССР! Спаслись бы среди них два классика татарской литературы? Думаю, что нет...

* * *

Им были предначертаны разные пути. Габдулла, родившийся в глухой, заброшенной татарской деревне и Фатих – городской житель, сын известного казанского муллы и учёного.

Да, в «Книге судеб» ангелы уже написали по воле Всевышнего их будущее. Но, как указано в Коране, «Аллах отменяет и утверждает то, что пожелает, у Него хранится суть книги» (Гром, 39). Оба они не отличались особой религиозностью – грешили, нарушали каноны. Впрочем, кто из нас нынче безгрешен?

Биография Габдуллы Тукая – готовый сюжет для сериала, но сериала чёрно-белого. Его короткая жизнь – круговерть чёрных и белых полос, из которых чёрных было гораздо больше. Апрель – этапный для биографии Тукая месяц. 14 апреля 1886 года (по старому стилю) он родился в деревне Кушлавич Казанской губернии, 4 апреля 1913 года был похоронен в Казани.

К слову сказать, четвёрка много что значила в жизни Тукая. Помимо того, что с ней связаны даты его рождения и смерти, есть другие странные совпадения. Известно, что в четыре месяца он лишился отца (умершего в возрасте 44 лет), а в четыре года – матери. В номерах «Булгар» он жил одиночкой в комнате под № 40. Цифра «4» – несчастливое для Тукая число.

Но это всё нумерология, в которую поэт не верил. А может, это знаки свыше? Кто знает!

Тукаевский род вплоть до седьмого колена состоял из одних мулл. Дед его, Мухаммадгалим-хазрат, считался строгим, правоверным мусульманином, человеком старых взглядов. Развлекающаяся игрой на гармонии деревенская молодёжь, завидя его, разбежалась в рассыпную – иначе несдобровать!

Отец – Мухаммадгариф также служил муллой. Указ на службу получил в достаточно молодом возрасте – в 22 года, что говорило о его неординарных способностях. В отличие от своего отца, Мухаммадгариф был не так усерден в религии и везде твердил, что своих детей никогда не отдаст в муллы. Это был очень совестливый, простой и наивный человек. Имел хорошую библиотеку, и сам пописывал стихи.

Габдулла – сын Муххамадгарифа от второго брака. Отец взял его мать в жёны после смерти предыдущей супруги. Новый брачный союз длился недолго – уже в четырёхмесячном возрасте мальчик лишился отца. Оставшись с маленьким Габдуллой на руках и двумя детьми от предыдущего брака, молодая мать возвращается в отчий дом. Обстоятельства сложились так, что ей не пришлось долго сидеть во вдовах. К ней посватался некий мулла по имени Шакир. Маленького Габдуллу отдают на временное попечение одной старухи в деревню Кушлавич. Та оказалась на редкость жестокосердной, и относилась к мальчику как к гадкому утёнку. Вскоре мать забирает сына в новую семью.

Начинается светлая полоса в жизни будущего поэта. В доме было всё, даже белый хлеб с мёдом на обед, показавшийся изглодавшему мальчугану изысканнейшим деликатесом. Счастье продолжалось недолго – в четыре года Тукай потерял родную мать и остался круглым сиротой. Это случилось зимой. Убитый горем мальчик босиком бежал по снегу за траурной процессией и кричал: «Верните мне мою маму!» Отчим, долго не думая, сплавил нежеланного ребёнка куда подальше. Габдулла вновь попал в семью фактически неродного дедушки. Но и здесь его никто не ждал с распростёртыми объятиями.

Что делать? Решение не заставило себя долго ждать. С попутным ямщиком мальчика отправили в Казань – авось кто-нибудь возьмёт его на попечение? На Сенном базаре Габдулле быстро нашёлся отец – бездетный торговец

Мухаммадвали. Чёрную полосу вновь сменила белая. Семья приёмного отца жила небогато, но, по крайней мере, приёмыша здесь никто не попрекал куском хлеба. С новыми родителями мальчик любил ходить на ярмарку Ташаяк (ныне ул. Ярмарочная, возле цирка) и наблюдать, как счастливые дети катаются на деревянных каруселях. Они любили Габдуллу, но не могли позволить себе расходов на такие «пустяки». Уже став известным поэтом, Тукай часто приходил сюда и катался на этих каруселях до одурения, до тошноты.

Габдулле хронически не везло – одновременно тяжело заболели его приёмные родители. Переживая за дальнейшую судьбу мальчика, они отправляют его обратно в деревню к бабушке. Всё возвращается на круги своя. Чуть оттаявший от жизненных невзгод мальчишка, вновь оказался в нелюбимой семье, по сути, среди чужих ему людей.

Но по иронии, а точнее, благосклонности судьбы вновь находится человек, готовый усыновить Тукая. Один человек по имени Сагди забирает его к себе, в деревню Кырлай. Мир не без добрых людей! В Кырлае Тукай провёл несколько лет. Здесь он стал посещать медресе, тут начал раскрываться его талант, в этом месте он впервые услышал грустные татарские напевы, мотивы которых навсегда врезались в его память. Габдулла, зная, что он из семьи потомственных мулл, старался хорошо учиться и не огорчать своих родителей. Однажды учитель спросил его: «Как зовут твоего отца?» Этот вопрос застал мальчика врасплох, и он переспросил: «Которого?» Учитель засмеялся: «А сколько их у тебя тогда?» Габдулла без задней мысли ответил: «Трое».

Из этой деревни в 1895 году он отправился в Уральск в медресе «Мутыгия», где проучился долгих 12 лет. В годы учёбы, помимо постижения новых знаний, он подрабатывал водовозом и сторожем, трудился в типографии русской газеты «Уралец», изучал ремесло наборщика. Сотрудничал в редакциях различных газет и журналов.

В медресе подросток начал проявлять характер. Стал выступать против устаревшей системы образования, царившей в этом учебном заведении. Его протест выпал на так называемый «переходный возраст», через который подросток проходил с большими проблемами. Тукай проявлял бунтарство, стал демонстративно курить, ходить с непокрытой головой и отращивать волосы. Если другие шакирды с радостью бежали на похороны и поминки, чтобы немного подкормиться, то Тукай гордо отказывался от бесплатных обедов и часто ходил голодным.

В Казань он приехал лишь в 1907 году. Его вызвали для прохождения призывной комиссии, которая зарубила его из-за бельма на глазу. В армию он не пошёл, но и обратно в Уральск больше не вернулся.

* * *

В Казани Тукай повстречал Фатиха Амирхана, который станет его другом на всю оставшуюся жизнь. Они знали друг друга по публикациям, но встретились лишь здесь, в эпицентре татарской культурной жизни. Как и Тукай, Фатих Амирхан прожил недолгую жизнь – всего сорок лет, но оставил невероятно богатое творческое наследие – свыше десяти повестей, романов и пьес, не считая множества рассказов, публицистических статей и переводов.

Они были близки по духу, по взглядам, хотя и происходили из разных миров. Фатих родился 1 января (по старому стилю) 1886 года в Казани в семье муллы. Абсолютно другой мир – достаток, сытость, хорошее воспитание. Мальчик рано выучился грамоте. Первым его учителем стал отец – известный татарский религиозный деятель Зариф Амирханов. В восемь лет Фатих стал посещать мектеб, а в девятилетнем возрасте его определили в медресе «Мухаммадия». В годы учёбы Фатих Амирхан заинтересовался художественной литературой и с увлечением начал читать новинки, выходявшие на

татарском и русском языках. Писать он начал рано, ещё в годы учебы в медресе. Это были статьи и заметки, которые выходили в рукописном журнале, выпускавшемся шакирдами «Мухаммадии». Но «по-настоящему» он начал публиковаться, лишь начиная с 1906 года.

Мальчик рос в неге и заботе. Родители старались не загружать его домашней работой. Даже проживая в частном доме, он не знал, что такое топор или молоток, как запрячь лошадь. Его не отпускали далеко от ворот, не позволяли играть с уличными мальчишками, а тем более убежать с ними в лес или на речку. Все ученики «Мухаммадии» по порядку должны были жить в медресе и возвращаться домой лишь на выходные, но за Фатихом отец почти каждый день посылал извозчика.

Такая гиперопека вообще была присуща семейству Амирхановых. Ведь родитель мальчика – Зариф-хазрат и сам провёл детство под тёплым материнским крылышком. Его отец – известный казанский имам, богослов и историк Хусаин Амирханов опекал и оберегал сына как зеницу ока. В то время, когда другие состоятельные казанские муллы отправляли своих детей на учёбу в Бухару или в арабские страны, он никуда не пустил сына, оставил его подле себя, а образование дал местное – в ближайших медресе Заказанья.

Несмотря на это, все мужчины из рода Амирхановых были «с характером», могли за себя постоять и никогда не лезли за словом в карман. Таким вырос и Фатих – острым на язык, готовым всегда «приколоть», поддеть своего собеседника. В этом отношении они были схожи с Тукаем. Но в отличие от своего друга, Габдулла тяжело переносил шутки в свой адрес, долго не мог отойти. Он отличался обидчивым и злопамятным характером. Ещё в начальной школе он громко рыдал если учитель делал ему замечание за плохо подготовленный урок. С другой стороны, Тукай был крайне честолюбивым и пытался доказать всему миру, что он не хуже всех, что он может добиться

всего сам без поддержки родителей и знакомых.

Забота родителей, с одной стороны, была приятна Фатиху Амирхану: нет никаких обязанностей, ответственности, материальных проблем, а с другой – тяготила. Он жил в золотой клетке и мечтал выпорхнуть из неё при первой возможности. А в это время в окно всё сильнее задувал ветер перемен, поднятый революцией 1905 года.

Фатих не хотел жить по сценарию, написанному родителями, он грезил свободой, мечтал вместо опостылевшего каляпуша и камзола надеть шляпкотелок, элегантную тройку и штиблеты, посещать театры и парки, ходить на танцы, ухаживать за барышнями. Он был готов запереть в сундук не только свой татарский костюм, но и все обычаи, традиции и условности, «в плену» которых он жил раньше.

В итоге, в революционном 1905 году юноша начал изучать русский язык, другие «имперские» предметы и в итоге сдал экзамены за полный курс русской гимназии.

Зариф-мулла поначалу поддерживал желание сына изучать русский язык. По требованиям того времени татарские муллы должны были владеть официальным языком Российского государства и это было только плюсом в религиозной карьере. Под видом, что ему надо окунуться в языковую среду, Фатих снял комнату у русской семьи в Собачьем переулке. Вырвавшись из-за стен медресе, а заодно из-под родительской опеки, юноша «пустился во все тяжкие». Переоделся в европейский костюм, нацепил на нос пенсне и стал жить жизнью светского щёголя: ходить на балы и в театр, приударять за дамами, вести высокоинтеллектуальные беседы о западной литературе и философии. Фатих стыдился всего татарского и хотел поскорее избавиться от этого «недостатка», который мешал ему жить. Он перестал читать намаз, ходить в мечеть и держать уразу.

У его отца было немало врагов среди казанских имамов. Они не знали, как

досадить более успешному коллеге по цеху. Выходки Фатиха оказались им только на руку. Ведь по тем временам он совершал чуть ли не преступление, но надо было ещё доказать безбожие махдума – сына муллы. Один из наиболее активных, Юсуф-хазрат, разузнав адрес Фатиха, начал шпионить за ним. Шла ураза – мусульманский пост. В распахнутом окне он увидал, как юноша нарезает сыр и отправляет ломти себе в рот. Тут же он побежал жаловаться аксакалам. «Сын Зарифа-муллы во время уразы ест мыло!», – закричал он. Его подняли на смех, но и Зариф-хазрат готов был от стыда провалиться сквозь землю.

Стало ясно, что Фатих уходит из лоно мусульманства, из лоно татарской культуры. Беседы, уговоры и угрозы не дали эффекта. В это время подоспело предложение от Загида Шамиля – внука руководителя освободительного движения на Кавказе имама Шамиля. Он приступил в Москве к выпуску детского иллюстрированного татарского журнала «Тәрбия-и атфаль» («Воспитание детей») и пригласил Ф. Амирхана на работу секретарём. Молодой писатель с радостью принял предложение. В письме к одному из своих друзей он написал: «Наконец-то избавляюсь от Казани и от её татар. Это – радость. Начинаю самостоятельную работу, чувствую в себе силы, но гложет раздвоение и неизвестность».

Родители посчитали, что сын покидает их навсегда. Отец чуть ли не проклял его, а мать слёзно просила писать письма.

В Москве жизнь била ключом. Каждый день балы, вечера, приёмы. И везде Фатих Амирхан желанный гость. Но юноша быстро накушался свободы. Он стал понимать, что это не его мир, что всё это чужое, чуждое. «Как это всё отвратительно!» – написал он в одном из своих писем по-русски. Татарская кровь его предков начала давать знать о себе.

К чему могли привести эти душевные метания – к нервному срыву, алкоголизму, депрессии? Всё могло быть,

но в Книге судеб было предначертано иное...

Летом 1907 года Фатих Амирхан вернулся в Казань на каникулы. Он планировал пробыть здесь пару месяцев, но остался на всю свою жизнь...

В жаркий августовский день вместе с братишкой Ибрагимом и близким другом Вафой Бахтияром они пошли искупаться на Казанку. На обратном пути Фатих вдруг остановился и сказал, что дальше идти не может – ноги не слушаются его. Вызвали извозчика, отвезли домой, но там стало ещё хуже. Правую сторону тела разбил паралич, обе ноги бездействовали. Несколько дней юноша находился на грани между жизнью и смертью.

Потом было многомесячное лечение в больницах, курорты, но Фатих больше не встал на ноги. Тут же нашлись злые языки, утверждавшие, что сын муллы был наказан за своё безверие, отказ от религии, что якобы прогневал Всевышнего, сказав: «Если Аллах существует, пусть сделает меня безногим!»

Болезнь изменила не только тело, но и его мировоззрение, его внутренний мир. Он вновь задумался о религии, вспомнил забытые молитвы и постепенно вернулся в лоно большого татарского мира, богатой и древней татарской культуры. Тяжёлый недуг не приостановил его творческой и общественной деятельности. Он продолжает заниматься публицистикой, пишет свои первые художественные произведения. Именно в этом году выходит его романтический рассказ «Гарэфэ көн төшемдә» («Сон накануне праздника», 1907). Последующие его произведения: повести «Фатхулла хэзрэт» («Фатхуллахазрет», 1909) и «Хэят» («Хаят», 1911), пьесы «Яшьләр» («Молодёжь», 1913), «Тигезсезләр» («Неравные», 1915), роман «Урталыкта» («На перепутье», 1912) дали основание говорить, что на небосклоне татарской литературы взошла ещё одна яркая звезда.

И именно в этом, 1907 году он встречается с Тукаем. С Тукаем, который, как и он пару лет назад, вырвался из своей

среды на свободу. И кто знает, может эта встреча с «опалившим перья» писателем предостерегла Тукая от многих глупостей, которые он мог совершить?

* * *

Тукай не был праведником. Как и многие творческие люди, он не смог удержаться от соблазнов и пороков большого города. Пристрастие к алкоголю губило его, ускоряло болезнь. Он корил себя за это, пытался оправдать всё тяжёлой судьбой, трудностями, которые ему пришлось испытать в жизни. В одном из писем к Амирхану в июне 1908 года он писал: «Иногда думаю: «Боже мой! Неужели луч таланта, который сохранялся, несмотря на сиротство, нищету, голод, бесконечные переходы-продажи из деревни в деревню, службу беспощадным баям, гниение в татарских медресе, погаснет в этом пьянстве, среди этих пьяных товарищей?»

В этом же письме Тукай говорит о том, что когда он пишет стихи о любви, то прячется за выдуманными псевдонимами «словно съевшийся ёж, спрятавшийся за своими иголками». Впрочем, о «женофобии» поэта писали много, но никто не пытался разобраться в причинах этого.

Широко известны слова классика татарской литературы Гаяза Исхаки: «Габдуллу убили лишённость душевной теплоты, отсутствие татарской девушки, которая бы по-настоящему полюбила его, обращаясь к нему не «Габдулла-эфенди Тукаев», а просто «Габдулла».

Так ли это было на самом деле? Когда Тукай приехал в Казань, немало татарских девушек хотели познакомиться со знаменитым поэтом. Но он оказался недоступен для прекрасной половины человечества. С ловкостью профессионального разведчика он незаметно уходил от своих преследовательниц. Поэт принципиально не посещал те дома, где хотя бы теоретически могли находиться женщины. Это здорово мешало его работе. Порой он часами не мог попасть

в редакцию газеты, поскольку там постоянно находились ненавистные ему барышни. Одна из казанских девушек – Фатима оказалась более удачливой среди других конкуренток. Однажды, узнав адрес «тайной явки» Тукая, она направилась туда. Правда, хозяйева знали о визите и честно предупредили об этом поэта, но только в самый последний момент, чтобы ему не удалось отвертеться. Но опыт и особый профессионализм гостя помогли ему и в этот раз исчезнуть «по-английски». Позже Фатима всё-таки застала Тукая врасплох. Она появилась в гостях, где сидел Тукай, с пышной, свежее испечённой губадией, на которой красовались сделанные из теста буквы «Г. Т.» – «Габдулла Тукай». Этот жест мог растопить сердце любого мужчины, но только не Тукая, который остался (по крайней мере внешне) совершенно равнодушным.

Тукай не был женат, не познал радости отцовства. Конечно, у него имелись поклонницы и почитательницы его таланта. Странно представить, что Тукай не влюблялся, ведь для поэтов это так естественно! Однако среди биографов Тукая преобладает мнение, что он всё-таки сторонился женщин и даже избегал их. По сути, он был одиночкой, живущим в собственном мире, закрытом для посторонних.

Поэт избегал женщин не из-за страха перед ними, нет. Те редкие стихи, которые он посвящал дамам сердца, пропитаны чувствами человека, горящего в огне любви. За образным частоколом слов скрывался обуянный старостью юноша, который одной рукой подкидывает дров в огонь, а другой тушит разгорающееся пламя. Тут мы не видим какого-либо отклонения, скрытого порока – Тукай был вполне нормальным человеком.

Но всё же многие современники писали о нём как о женоненавистнике. Причин тут на наш взгляд две.

Первая связана с нравом и характером самого поэта. Тукай с большим трудом сходил с незнакомыми людьми. С посторонними он был холоден, нелю-

дим, малоразговорчив. И совершенно другой человек с близкими друзьями – душа компании, шутник, балагур. Мог декламировать стихи, спеть – а голос у него был неплохой. Эта привычка распространялась и на женщин. Его раздражал девичий смех, он думал, что потешаются над ним, поэтому сторонился дам.

И вторая причина, которая не афишировалась, не анализировалась исследователями. Речь идёт о добровольном наказании, «епитимьи», которую поэт наложил сам на себя.

Тукай не рассказывал о своих проблемах и предпочитал пережигать свои переживания внутри себя. Никто не догадывался, что существует психологический ступор, который мешал поэту сблизиться со слабым полом. Друзья неоднократно пытались познакомить его с девушками, женить, в конце концов. Особо в этом преуспела мать Фатиха Амирхана, которая даже нашла невестку, уговорила её саму и её родителей.

Да и сам Тукай, вроде, был не против, но когда дошло до дела, он начинал метаться, сходило с ума и в итоге давал отбой. Тогда, на недоумённый вопрос Амирхана он бросил по-русски: «Печать проклятия!»

Но что это за печать проклятия? Тукай страдал чахоткой – это всем известно. Но его беспокоило другое. Наличие у него, как он думал, «нехорошей болезни», которую диагностировал ему один из казанских докторов.

Об этом пишет его близкий приятель Кабир Бакир в книге «Тукай Петербурга» («Тукай в Петербурге», 1914). Книга малодоступна читателям, поскольку напечатана арабицей – не каждый сможет прочитать. Да и давно стала библиографической редкостью. Те отрывки из этой книги, которые выходили в советское время, конечно же, обошли стороной все спорные моменты.

Кабир Бакир описал путешествие Тукая в Петербург в 1912 году. Там много личного, nelaкированного, в том числе пересказы откровенных бесед

с Тукаем. Автора сильно критиковали ещё тогда, сазу после выхода книги, да и сейчас литературоведы сомневаются в его объективности.

Как пишет К. Бакир, столичные татары хотели помочь Тукаю. Татарский богослов Муса Бигиев начал сбор денег для лечения Тукая в Финляндии и пригласил его к себе в Санкт-Петербург. Несмотря на нужду и большую семью, он поселил его у себя дома и даже отдал Тукаю свой диван, а сам спал на полу. Тукай уже тогда сильно болел и фактически вышел на финальную прямую своего жизненного пути. Они уговорили его показаться местной знаменитости – доктору Полю. В результате тщательного медосмотра врач поставил неутешительный диагноз – одно лёгкое поэта полностью разрушено. А второе также в плачевном состоянии. Он дал ему несколько месяцев жизни. Впрочем, об этом самому Тукаю ничего не сказал, а лишь сообщил по секрету его сопровождающим.

Но важно то, что он не нашёл никаких следов «нехорошей болезни», которой, видимо, и не было. Узнав об этом, Тукай ожил, почувствовал себя родившимся заново. Ведь мысль о несуществующей болезни угнетала и съедала его в последние годы. Он признался Кабиру Бакиру, что порою хотел наложить на себя руки. Всё это время в его мозгу звучали слова казанского доктора: «Ещё молодой, а довёл себя до такого состояния!»

А что чахотка? Ерунда, вылечусь. Поеду на кумыс, поправлюсь.

Татары Петербурга не разделяли его оптимизма. Они ломали голову: как помочь Тукаю справиться с опасной болезнью? Даже успели собрать 200–300 рублей, чтобы направить поэта на санаторное лечение в Швейцарию. Но поэт, окрылённый новостью об отсутствии другой, постыдной болезни, уехал домой.

Ведь всё это время он чувствовал себя больным, неполноценным человеком. Не в этом ли кроется причина его истинной женофобии, нежелания создать семью, завести детей? Поскольку

семья – это святое, а он мог причинить вред своей болезнью родному человеку. Это только версия, возможно, объясняющая странное поведение татарского поэта, но она, на наш взгляд, имеет право на существование.

* * *

Известно, что Тукай был не прочь покритиковать своих собратьев по перу, да и не только их. Он любил подмечать и критиковать чьи-либо недостатки. Объектом его едкой, обидной сатиры становились и писатели, и политики, и мульты. Некоторым критика доставалась совершенно незаслуженно. Для него не существовало авторитетов, он разочаровался в людях. По сути, это был протест глубоко одинокого человека, обиженного на весь мир, человека, до конца не изжившего комплекса мальчишки-сиротинушки. Тукай как будто брал реванш за своё голодное детство, за все унижения, которые ему пришлось пережить. Биографы поэта характеризуют его как сплошной комок противоречий: весёлый и грустный, молчаливый и разговорчивый, остроумный и игривый, добрый и злой, храбрый и осторожный, мудрый и простодушный. По их словам, Тукай мог как ребёнок обрадоваться какой-то мелочи или, наоборот, огорчиться по самому пустяковому поводу.

Уже будучи взрослым он выглядел как 15-летний подросток и вызывал своим видом сочувствие окружающих. Да и в душе он оставался ребёнком – любимым занятием Тукая в Казани была игра в бабки, ради которой он бросал все дела и мчался на улицу к уличной ребятне. Однажды Фатих Амирхан спросил его: «И не надоело тебе играть в бабки?» Тукай парировал: «А не надоело тебе проводить целые дни с девушками?» Видимо, общение с детьми было ему по душе, по крайней мере, во время игры никто не лез ему в душу с дурацкими расспросами. Если кто-то из них читал ему свои стихи, он не скупился и награждал их звонкой монетой.

* * *

Тукай не был особо религиозным человеком, но наряду с этим он не был и безбожником. В одном из своих стихотворений он писал, что в трудные минуты берёт в руки Коран и тогда ему становится легче. Ещё один миф – до смерти Тукая дошёл «бесчеловечный буржуазный строй». На самом деле, поэт при желании мог жить не хуже других. Его любили издатели, его стихи хорошо оплачивались.

Все мы знаем, что поэт долгие годы снимал комнату в номерах «Болгар». Об этом писали как о чём-то чрезвычайном – мол, посмотрите, скитался по углам, не имел собственного жилья (а советская власть всем дала крышу над головой). Но никто никогда не задавался вопросом – а во сколько обходилось Тукаю это удовольствие? «Болгар» – это была гостиница, в дореволюционной Казани гостиницы назывались «номерами». Мне не удалось найти преёскурантов по этому заведению, но для сравнения можно привести цены, располагавшихся неподалёку, схожих по уровню обслуживания «Рыбнорядских номеров». Как сообщала реклама того времени: «Цены умеренные. От 85 копеек до 3 рублей 50 копеек в сутки. Месячно по соглашению». Если учесть скидку, то Тукай минимально мог платить 50–60 копеек в сутки. А его первая зарплата в Казани составляла всего 25 рублей в месяц. Получается, что на жизнь почти ничего не оставалось. А ведь Тукай не стеснял себя в тратах, часто организовывал у себя в номере вечеринки, что также требовало свободных средств.

В итоге можно сделать такой вывод – или поэт «пахал» по-чёрному, зарабатывая гонорары (отсюда его богатое творческое наследие), или ему помогали меценаты. Всё это тема будущих исследований, ведь о повседневной жизни татарского литератора мы почти ничего не знаем.

Богатые татары, несмотря на жёсткую критику в их адрес, старались как-то

поддержать Тукая, делали ему лестные и выгодные предложения. В одно время золотопромышленники – братья Рамиевы приглашали Тукая в Оренбург на хорошую зарплату, но он отказался.

Гордый Тукай не брал «подачек». Он словно дервиш совершенно не обращал внимания на свой внешний вид, одевался как попало. Вот как описывал Тукая хорошо знавший его поэт Сагит Рамеев: «Внешний вид покойного был не ахти. Он носил то немного тесную, то, наоборот, совершенно просторную одежду. На голове у него красовалась неизменная кепка или широкая русская фуражка. Хотя он и носил длинные волосы, но никогда их не причёсывал. В баню ходил редко, одежда его всегда была грязной, помятой с прилипшими пушинками от подушки».

* * *

А как жил в это время его близкий друг Фатих Амирхан? Пока был жив отец, он не знал особых проблем. У него был свой слуга – деревенский мужик Магсум, который выполнял роль сиделки, грузчика и извозчика. На лечении в Серноводске Магсум обучился искусству массажа и теперь делал его своему подопечному сам. Жизнь намного облегчилась, когда Ф. Амирхан приобрёл коляску. Теперь он мог самостоятельно передвигаться хотя бы в пределах дома. Впрочем, Фатих Амирхан не был затворником – несмотря на свой недуг, он был активным участником многих светских и культурных мероприятий – посещал концерты, спектакли, работал в редакциях газет «Ислах» («Реформа») и «Кояш» («Солнце»), журнала «Аң» («Сознание»).

Фатих Амирхан не терпел жалости, с юмором относился к своему недугу. На людях шутил, что никак не может сносить свои новые сапоги. Но то, что было у него на душе – одному Богу известно.

В советское время Амирхан, чтобы как-то обеспечивать себе пропитание, вынужденно сотрудничал в ряде газет и журналов («Кызыл Армия», «Татар-

стан», «Татарстан хэбэрләре», «Безнең юл», «Шэрык кызы» и др.), пытаясь даже в условиях жесточайшей цензуры говорить об основных проблемах татарской нации, поднимать вопросы сохранения языка, культуры и самобытности татарского народа.

Менялось время, менялся и сам Фатих Амирхан. От избалованного и капризного юноши, который под влиянием русской культуры хотел вытравить в себе всё татарское, до зрелого мужчины, прикованного к коляске, работавшего во всю мощь ради родной татарской нации.

* * *

4 апреля 1913 года. В этот день возле Клячкинской больницы бушевало людское море. Около десяти тысяч человек пришли сюда, чтобы проститься с любимым поэтом. Смерть Тукая всколыхнула массу народа, притянула магнитом самых разных людей. Как засуха сталкивает возле ручья хищников и их жертв, так и здесь собрались и те, кто боготворил поэта, и те, кто ненавидел его. В день похорон все книжные татарские магазины были закрыты. Были отменены занятия в татарских школах. В связи с трауром не вышла казанская газета «Кояш», в которой Тукай наиболее активно сотрудничал в последнее время. Во время движения похоронной процессии улицы переполнились народом, движение трамваев было приостановлено. Татарские издания были завалены письмами и телеграммами сочувствия. В одной только оренбургской газете «Вақыт» («Время») в эти дни скопился целый ящик писем, пришедших со всех концов огромной страны. В книжных лавках в течение двух-трёх дней после известия о смерти Тукая были сметены с прилавков все экземпляры его сочинений, а книготорговцы в отчаянии телеграфировали в Казань в надежде заполучить хотя бы что-нибудь из его произведений. Используя извечный предпринимательский принцип: «Куй железо, пока горячо!», татарские

фабриканты выбросили на рынок множество продуктов с маркой «Тукай»: «Конфеты Тукая», «Мыло Тукая» и т. д. Огромными тиражами были отпечатаны открытки с изображением покойного поэта. В этот процесс включились и книгоиздатели. Только в 1913 году вышло пять книг Габдуллы Тукая. Дальше – больше. Что это? Признак всенародной любви к поэту или простой обывательский интерес к смерти известного человека? Наверное, и то, и другое.

Тукай перед смертью также думал о материальном. Но его волновала другая проблема. Поэт мечтал о справедливом распределении положенного ему задатка – 500 рублей за планируемый к выходу сборник «Избранных трудов». Эти деньги он завещал направить на обучение татарских шакирдов. Благодарное начинание тотчас же подхватили татарские купцы и интеллигенция. Был создан фонд, в который сразу пошли солидные финансовые вливания.

В татарском языке есть непереводаемое слово «моң», которое может обозначать и грусть, и тоску, и кручину, и задушевность. Это – коктейль из извечной печали, заправленный вселенской меланхолией. «Моң» – понятие чисто татарское и необъяснимое, как необъяснимо явление загадочной русской души. Тукай – певец «моңа» и умер от «моңа». Согласно законам восточной медицины, от грусти и меланхолии в первую очередь слабеют и страдают лёгкие. Смерть от болезней лёгких – участь многих татарских писателей, национальная эпидемия, уносившая в мир иной наиболее талантливых представителей татарского народа, людей с тонким духовным миром. Тукай всегда жил на грани жизни и смерти, балансировал на кромке света и тьмы. Как будто Всевышний долго дожидался его, но, видя талант, оставил послужить своему народу на 26 лет!

* * *

Его близкий друг, Фатих Амирхан остался один. Мир изменился. Рухнула

привычная система координат. Пришли новые времена. Молодые литераторы разносят в пух и прах метод реализма и даже устраивают литературный суд над ещё живым классиком татарской литературы Фатихом Амирханом. Вынужденный из-за бесконечных нападок воинствующей молодёжи бросить преподавательскую работу в театральном техникуме, больной и разочарованный Амирхан в отчаянии называет футуриста Аделя Кутуя и имажиниста Кави Наджми «недоумками». А ведь когда-то сам Фатих Амирхан считался новатором – его героини-татарки шокировали окружающих декольте и влюблялись в русских парней, а сам писатель щеголял в узких брюках и шляпе, что очень раздражало мулл-кадимистов.

Что там Амирхан, когда Габдулла Тукаю навесили ярлык мелкобуржуазного поэта! Именно тогда Хади Такташ предлагал Кутую создать блок для борьбы со «школой Тукая». По искреннему убеждению молодых людей, борьба против тукаевской школы стала бы началом большой битвы против всей буржуазной литературы прошлого. Горячие головы были убеждены в том, что новый мир можно построить лишь на обломках старого. Не только Тукаю и Амирхану – даже своему ближайшему другу и соратнику Хади Такташу Кутуй устроил литературный суд, и это было в порядке вещей.

Пессимистически оценивая будущее своей нации, в 1924 году Ф. Амирхан пишет сатирический рассказ «Шафигулла агай» («Дядюшка Шафигулла»), в котором с горькой иронией описывает процесс превращения татар в «гомо советикус». Естественно, что такое произведение не могло быть опубликовано при жизни писателя и вышло лишь в 1991 году.

Хронические болезни, неустроенный быт, пессимистическое отношение к жизни – всё это самым отрицательным образом сказалось на здоровье Фатиха Амирхана и, в конце концов, привело к его преждевременной кончине в марте 1926 года...

Проза, драматургия, публицистика, литературно-критические работы Фатиха Амирхана вошли в золотой фонд татарской литературы. Он был талантливым мастером слова, длительное время работал в периодической печати, выступая по преимуществу в области художественной прозы. Его произведения были широко признаны читателями за остроту современных идей, за силу юмора, прекрасный стиль и мастерское изображение психологических переживаний героев.

Расцвет его творчества выпал на начало XX века – эпоху перемен, время надежд и разочарований. Ф. Амирхан не принял советскую власть. Конечно, об этом он не мог говорить в открытую, а доверил свои «крамольные мысли» дневникам, которые, кстати, до сих пор не опубликованы полностью.

* * *

Немецкий исследователь Михаэль Фридерих, автор книги «Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы» (Казань, 2011) делит историю изучения Тукая на 4 этапа: конец 1930-х годов, когда были уничтожены «султан-галеевцы» и поэта можно было возвышать, 1940-х годов, в период Великой Отечественной войны, когда возникла потребность в национальных героях, в 1960-е годы в эпоху подъёма интернационализма и дружбы народов, когда Тукай стал выгоден как испытавший влияние «старшего брата», и в 1980-е годы, когда наконец-то начали изучать гуманистические взгляды Г. Тукая.

Почему его не изучали раньше? А потому что до начала 1930-х годов советская литературная критика отказывалась признавать Тукая, считая его буржуазным поэтом. Таким образом, его официальная «канонизация» началась именно в это время, хотя в реальности он стал невероятно популярным ещё при жизни. Он ещё тогда мог стать объектом исследований, но начавшая Первая мировая война, плавно перетёкшая в Октябрьскую революцию, а потом и в

Гражданскую, голод, разруха – всё это отодвинуло планы исследователей на неопределённое время.

С 30-х годов прошло почти девяносто лет. Много это или мало? Достаточно, чтобы затвердить в своей памяти, в своём воображении именно тот образ Тукая, который по большому счёту был искусственно сконструирован татарскими литературоведами. Именно так. Сконструирован за счёт умышленного умалчивания, перелицовывания фактов и даже прямой резекции неудобных моментов из жизни и биографии татарского поэта.

Результаты этих операций прочно внедрились в наше сознание. Согласитесь, мы до сих пор верим в поэта-трибуна, поэта-интернационалиста и чуть ли не революционера, которого погубил «бесчеловечный буржуазный строй». Именно так нас учили в школе, и только в таком ключе о Тукае вещала советская пропаганда.

Да что там Тукай! Мы все, точнее, все, «кто родом из СССР», до сих пор находимся в плену множества мифов и стереотипов.

В 1913 году мы потеряли живого Тукая, а в 1930-е годы Тукая реального, Тукая-человека.

Отказаться от лакированного, глянцевого Тукая не так просто. Это значит отречься от большого куска собственной жизни, своей молодости и детства. Признаться самому себе, что годы бегут, а финал всё ближе и ближе.

Один из аксакалов татарского литературоведения как-то сказал мне: «Нельзя трогать Тукай! Его образ должен оставаться идеальным, быть неприкосновенным. Ведь у нас так мало примеров для подражания».

Он совершенно прав, но разве не они сами и их предшественники, чутко прислушиваясь к сигналам из идеологических отделов, искусственно ограничили возможность выбора? Разве не они, руководствуясь формулой «кабы чего не вышло», отбросили на обочину целую плеяду не менее значимых и талантливых татарских поэтов и проза-

иков? Да, времена были сложные, но их коллег в Средней Азии и на Кавказе сумели сохранить своё наследие.

Впрочем, всё это дела давно минувших дней. В наше время можно писать что угодно, давать любые оценки.

В этом отношении я совершенно не согласен с оценкой вышеупомянутого немецкого исследователя Михаэля Фридериха, который писал, что Тукай проигрывает таким среднеазиатским поэтам, как Абай, Фитрат или Чулпан, из-за того, что не смог получить хорошего образования.

Нет, Габдулла Тукай был вполне образованным. К моменту переезда в Казань в 1907 году он успел получить неплохое образование в медресе и русских классах. Среди однокашников он был лучшим знатоком арабской грамматики, дополнительно изучил турецкий, персидский, русский языки. Кроме того, он прошёл «народные университеты»: прекрасно знал татарский фольклор, наизусть помнил сотни песен, которые исполнял с большим мастерством.

Как и многие поздние дети, Тукай был талантливым от природы. Он законно занял свой пьедестал. Прекрасный поэт и публицист, который не оставил после себя проходных вещей, хотя в основном писал на заказ и перед смертью отрекался от 95 процентов своих произведений.

* * *

...Демонтировано здание бывших номеров «Болгар». Короткое, сухое сообщение на лентах информационных агентств. Стёрто с лица земли ещё одно историческое здание тысячелетней Казани. Ничего личного. Малозначимая информация для простого обывателя. Вроде никого не убили, не взорвали – разве это новость?

А для татар, да и вообще всех со-

вестливых людей эта новость прозвучала как гром среди ясного неба. «Разрушили, взорвали, убили память о Тукае!» – вот о чём должны были трубить информационные агентства. Но ничего личного...

...К развалинам «Болгара» никто не принесёт цветов, не будет зажигать свеч, оставлять писем и открыток. Телевидение не будет передавать с места событий прямых репортажей.

Под завалами стонет, мечется душа Тукая. Разрушили его дом. Да что там дом! Храм, в котором он прожил лучшие годы своей жизни, написал свои лучшие произведения. Храм, где задыхаясь от чахотки, он сочинял своим полудетским почерком великие, вечные строки...

Теперь под завалами задыхается его душа...

В нескольких кварталах от этого места сверкает неоновый новый «Булгар» – фешенебельный отель. Из его окон не видно старого «Болгара». Да и найдутся ли желающие смотреть, если даже их вооружить самым мощным биноклем?

До чего же мы близоруки, почему живём лишь сегодняшним днём? Ведь история развивается по спирали. Придет время, когда в мире вновь возобладают общечеловеческие ценности. Прошлое всех стран, народов и империй говорит об этом. Ринемся за своим наследием и обнаружим лишь голое, выжженное поле.

* * *

Да, на кладбище Габдулла Тукай и Фатих Амирхан находятся в двадцати метрах друг от друга. Но в истории татарской литературы трудно обозначить расстояние между ними, проблематично представить себе в целом одного без другого, хотя это до сих пор имеет место и в литературоведческих трудах, и, как видим, в обыденной жизни.